

У ИСТОКОВ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ ЯЗЫКА (между вещью и словом)

В статье кратко суммированы античные представления о языке, отчасти подхваченные в новое время европейскими философами, трактующими целенаправленную речемыслительную деятельность как исключительно человеческое достояние. Оно предопределяет само существование и культурно-историческую традицию человечества. Особое внимание уделено размышлениям древних авторов о соотношении *слова* и *мысли*, с одной стороны, и *слова* и *вещи* (или *слова* и *дела*) – с другой. Подчеркивается роль имени (словесного знака) в качестве воспринимаемой формы и «необходимого результата» мысли (ее материального субстрата).

Ключевые слова: слово, имя, мысль, язык, речемыслительная деятельность, словесный знак (символ, речевой сигнал), философия языка, учения о языке.

Слово и, в частности, имя есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения.

А. Ф. Лосев «Философия имени»

Античная теория языка зародилась в недрах глобальной философской проблемы как вопрос о взаимоотношении между *вещью*, *мыслью* и *словом*. Античному обществу раннего периода было свойственно мифологическое видение. Следы такого мифопоэтического восприятия мира, ставшего одновременно и одной из первых попыток его объяснения, можно обнаружить и в античной философской рефлексии, именуемой *натурфилософией* в силу естественного обращения древних мыслителей к осмыслению прежде всего природных явлений (включая человеческую природу и его речь).

При мифологическом объяснении языка восприятие концентрировалось прежде всего на отдельно взятом слове – на *имени*. Имя вещи мыслилось как ее неотъемлемая часть, непосредственно отображающая соответствующую сущность. Любые действия, совершаемые с именем (словом), считались равнозначными действиям с вещью, обозначенной тем или иным именем. Отсюда – вера в силу заклинаний, проклятий, добрых

пожеланий и стремление «засекретить» имена тех предметов, которые нужно было обезопасить от враждебного воздействия (особенно это относилось к личным именам). На принципе взаимозаменяемости имени и вещи основывается вся словесная магия. С ним же связано представление о «языке богов», отличающемся от обычного человеческого языка. Так, в гомеровских поэмах упоминаются пары имен, принадлежавших одно богам, другое – смертным:

Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый,
Против Гефеста – поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных –
Скамандром.
(«Илиада», XX, 71 и сл, пер. Н.И. Гнедича).

Соответственно, интерпретация имен («этимологизирование»¹) приравнивалось к объяснению природы вещей (и свойственных им качеств). В подобных толкованиях имени проявляются первые размышления над словом в истории древнегреческой мысли.

Согласно мифопоэтическому мировосприятию *имя*, отождествляемое с называемой вещью, изначально кем-то дано (ср. в Библии: Бог Яхве подводит животных к Адаму, дающему им названия, – Быт. 2, 19–20). Возникает понятие ономотета (ономотета)², установителя имен. Только получив имя, вещь обретает полную реальность. Если абстрагироваться от буквального понимания приведенного положения, в принципе оно соответствует современному представлению, что помыслить можно лишь то, что определено. Правда, при этом подразумевается *предмет мысли* выражаемой уже словами, соотносенными с некой сущностью либо однозначно, либо эксплицитно (в том числе с использованием символических языков науки – «вторичных» по отношению к естественному языку).

---

¹ Необходимо иметь в виду существенное различие между современной научной этимологией и попытками древних авторов раскрыть природу некоторых вещей на основании чисто словесных ассоциаций, подсказанных его именем.

² Напр., см.: исследование А. Л. Верлинского (глава III, § 1 «К истокам учения об “установлении имен”: поэма Парменида»). Имея в виду обобщающий характер данного обзора, мы приводим список использованных нами работ, но не уточняем деталей.

Вопрос о способе связи между словом (именем) и предметом (вещью) особенно волновал умы греческих мыслителей в V в. до н. э. Гераклит из Эфеса (кон. VI – нач. V вв. до н. э.) считал, что миром управляет высший закон, обозначенный им как λόγος ‘слово, речь’³. Учение Демокрита (ок. 460 – ок. 370 г. до н. э.) объединяет «природное» и «условное» понимание связи между наименованиями и предметами, но с явным предпочтением второй из них. По Демокриту, слово вовсе не является двойником обозначаемой вещи, что доказывается существованием различных слов для называния одного и того же (*гипонимия*) и обозначением разных предметов мысли одним и тем же словом (*полисемия*). При этом *имя* для Демокрита остается главной единицей языка, что следует из рассуждения этого автора о предложении (оно именуется *речью*, *логосом*), которое определяется им как механическое сплетение имен⁴.

О происхождении имен по природе (φύσει) или по соглашению – закону (θέσει, νόμῳ) спорят персонажи известного диалога Платона (ок. 429 – 347 г. до н. э.) «Кратил». Если иметь в виду собственно языковые явления, примечательна попытка Платона доказать, что связь между звучанием и значением слов имеет опосредованный характер, что полного соответствия между словом и именуемым предметом быть не может. Такое понимание вполне соответствует основной концепции Платона, согласно которой чувственно воспринимаемый мир (к которому относится и язык) есть отдаленное подобие истинно сущего, но недоступного для чувственного восприятия и лишь умопостигаемого мира идей (см. его диалог «Государство»). Отношение между явлением и идеей, по Платону, есть подражание, *мимесис*. Он различает, в частности, слова непроемные (первичные) и производные, возникшие из первых, которые, как полагает философ, восходят к звукоподражаниям. В «Кратиле» речь идет об отдельном слове (имени). В диалогах «Теэтет» и «Софист» Платон обращается к проблеме предложения и

---

³ См. книгу А. В. Лебедева «Логос Гераклита» (Lebedev 2014), хотя традиционно многие исследователи трактовали λόγος как ‘мысль, мышление’, то есть в более позднем значении слова.

⁴ Демокрит выдвинул «атомистическую» концепцию языка, формирующего две триады: (1) *буква – слог – имя* и (2) *имя – предложение – предложение*. Имя венчает первую триаду и оно же лежит в основе второй, высшей, триады.

составляющих его компонентов, многократно подчеркивая, что речь, высказывание (логос) всегда представляет собой соединение двух обязательных компонентов – ὄνομα и ῥῆμα. Этими терминами обозначаются словесно выраженные субъект и предикат суждения, а также, применительно к грамматическому анализу предложения, – подлежащее и сказуемое. Таким образом, в терминологии, используемой Платоном, сливаются во едино логический и грамматический аспекты⁵.

Особый этап в осмыслении языковых явлений составляет деятельность софистов (вторая половина V в. до н. э.). В центре их внимания было ораторское искусство, что требовало непосредственного осмысления именно языковых явлений. Самый выдающийся из софистов, Протагор (ок. 485 – ок. 410 г. до н. э.), высказал ряд суждений о грамматическом строе языка. Он первым стал различать три рода – мужской, женский и вещный, а также четыре типа высказываний – вопрос, ответ, поручение, просьбу⁶. Слово является главным объектом изучения и в трудах Продика (кон. V в. до н. э.), уделявшего особое внимание выявлению смысловых различий между словами, близкими по значению. Он утверждал, что полных синонимов не бывает, что каждое слово соотнесено с определенным объектом в реальной действительности. Аналогичные суждения высказывал Антисфен (кон. V – нач. IV вв. до н. э.). Он считал, что сложному объекту может соответствовать одно определение, а простому объекту – одно слово. По Антисфену, постижение простых объектов достигается путем изучения слов. Можно предположить, что Антисфен исходил из представления о полном параллелизме между миром реальных объектов и миром слов и был сторонником теории природной связи между предметом и его наименованием.

В качестве промежуточного звена этой связи Аристотель (384–322 г. до н. э.) ввел *представление о предмете* в сознании человека. Связь между словом и представлением, которому оно соответствует, также условна. Поэтому слово само по себе не

---

⁵ На смешение логического и грамматического аспектов применительно к определениям главных членов предложения (ремы и темы высказывания) в грамматических теориях XX в. обращал внимание, например, А. А. Холодович.

⁶ Впоследствии это послужило основой для различения наклонений греческого глагола.

может быть истинным или ложным. Об истинности или ложности можно говорить лишь применительно к соединениям слов (очевидно, имеется в виду высказывание). При этом Аристотель убежден, что, в силу условности связи между словом и предметом, части слов не могут иметь самостоятельного значения.

Особый интерес Аристотеля вызывала многозначность слова. Отделяя *многозначность* от *омонимии*, он рассматривает разные случаи полисемии при обозначении как однородных (ζῷον «животное» – применительно к человеку и быку), так и неоднородных явлений, связанных между собой определенным образом (ср. понятие полисемии в современном языкознании). Для установления многозначности слова Аристотель предлагает подбирать несколько антонимов, отмечая, что это не всегда возможно. Он рассматривает не только изолированные формы («словарные слова»), но и словоформы в составе высказывания (существительные в разных падежах, глагол «быть» и т. п.). Аристотель подчеркивает, что мысль и ее словесное выражение далеко не полностью совпадают. Он усматривает причину такого расхождения в многозначности слов. Причем, по мнению Аристотеля, языки различаются лишь звучанием слов, а внутренняя семантическая структура у них одинакова: она соответствует объективной действительности, а также нашему представлению о ней. Впоследствии эта идея породила так называемые универсальные, или логико-философские грамматики, практиковавшиеся, например, во Франции, вплоть до начала XIX в.

Наряду со «значащими» (знаменательными) разрядами слов Аристотель выделяет «незначащие» (служебные) слова, что представляет собой важный шаг в развитии учений о языке. При этом он как бы приравнивает «служебные» слова к слогу, определяя одно и другое как ἄσῆμος ‘лишенный значения’, поскольку значение для Аристотеля – это исключительно предметное значение.

Как видно из изложенного, для античных мыслителей изучение собственно языковых явлений еще не было самоцелью. Язык еще не осознавался ими как возможный объект самостоятельного исследования. Он рассматривался преимущественно как выражение мысли, ее форма, и только в этом аспекте оказывался объектом внимания – *предметом мысли*.

Несколько упрощая, можно утверждать, что, если мифопоэтические представления отождествляли *имя* и *вещь*, которой оно принадлежало, то со временем греческие философы имплицитно внесли между *именем* и *вещью мысль*. Однако эксплицитно слово еще долго продолжало рассматриваться в своей содержательной ипостаси – как имя отдельной *вещи* или в облике *мысли*.

В. фон Гумбольдт впервые отчетливо сформулировал мысль, «носившуюся в воздухе» со времен классической античности: «Слово, действительно, есть знак, до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию <...> язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека...» (см.: Гумбольдт 1984: 304).

Литература

- Desnitskaya, A. V., Kaznelson, S. D. (ed.). 1980: *Istoriya lingvistikicheskikh ucheniy. Drevniy mir* [History of linguistic theories. Antiquity]. Leningrad: LO «Nauka».
- Десницкая, А. В., Кацнельсон, С. Д. (ред.). 1980: *История лингвистических учений. Древний мир*. Л.: ЛО Изд-ва «Наука».
- Freidenberg, O. M. (ed.). 1936: *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Antique Theories of Language and Style]. Moscow; Leningrad: OGIZ.
- Фрейденберг, О. М. (ред.). 1936: *Античные теории языка и стиля*. М.; Л.: ОГИЗ.
- Humboldt, W. von. 1984: *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Linguistic Works]. Moscow: Progress.
- Гумбольдт В., фон. 1984: *Избранные труды по языкознанию*. Пер. с нем. под ред. и с предисл. Т. В. Рамишвили. М.: Прогресс.
- Lebedev, A. 2014: *Logos Geraklita. Rekonstrukciia mysli i slova. S novym kriticheskim izdaniem fragmentov* [The Logos of Heraclitus: A Reconstruction of Thought and Text. With a New Critical Edition of Fragments]. St.-Petersburg: Nauka.
- Лебедев, А. В. 2014: *Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов)*. СПб.: Наука, 2014.
- Losev, A. F. 1990: [Philosophy of the name.]. In: Losev, A. F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From the early works]. Moscow: Pravda, 24–192.
- Лосев, А. Ф. 1990: *Философия имени*. В сб.: Лосев А. Ф. *Из ранних произведений*. М.: Правда, 24–192.
- Stepanov, Yu. S. 1998: *Yazyk i metod. K sovremennoy filosofii yazyka* [Language and Method. Towards the Modern Philosophy of Language]. Moscow: «Languages of Russian Culture».
- Степанов, Ю. С. 1998: *Язык и Метод. К современной философии языка*. М.: «Языки русской культуры».

- Tronsky, I. M. 1973: *Voprosy yazykovogo razvitiya v antichnom obshchestve* [*Problems of Language Development in Antique Society*]. Leningrad: LO «Nauka».
- Тронский И. М. 1973: *Вопросы языкового развития в античном обществе*. Л.: Наука.
- Verlinsky, A. L. 2006: *Antichnye teorii proiskhozhdeniya yazyka* [*Classical Doctrines of the Origin of Language*]. St.-Petersburg.
- Верлинский, А. Л. 2006: *Античные теории происхождения языка*. СПб.

M. A. Tariverdieva. The origins of European philology: the name

The article deals with the study of the correlation “thing – thought – name” in historical retrospective. The priority of names in the process of language formation is accentuated.

Key words: word, name, thought, language, sign linguistic (symbol), philosophy of language, classical doctrines of language.